

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

Читайте книги Елены Вернер –

одного из самых перспективных авторов современности:

Купальская ночь, или Куда приводят желания

Грустничное варенье

Верни мои крылья!

Черный клевер

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

Мёртвый
Клевер

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В35

Художественное оформление серии
Сергея Груздева

Вернер, Елена.
В35 Черный клевер : [роман] / Елена Вернер. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Верю, надеюсь, люблю. Романы Е. Вернер).

ISBN 978-5-699-89360-7

Нина пела старинный романс о черном клевере, который распускается, когда между влюбленными нет взаимопонимания, а тайн больше, чем счастья. И Михаил полюбил ее — не просто чужую жену, а жену первого помощника великого кремлевского правителя. У них не могло быть общего будущего, а над настоящим сгустились свинцовые тучи: однажды грозный муж поймал их с поличным. Но вместо страшной расправы случилось невозможное: он согласился отпустить Нину! Правда, перед Михаилом было поставлено условие — предать дело всей его жизни...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вернер Е., 2016
ISBN 978-5-699-89360-7 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Это было лучшее из всех времен,
это было худшее из всех времен;
это был век мудрости, это был век глупости;
это была эпоха веры, это была эпоха безверия;
это были годы света, это были годы мрака;
это была весна надежд, это была зима отчаяния;
у нас было все впереди,
у нас не было ничего впереди;
все мы стремительно мчались в рай,
все мы стремительно мчались в ад, —
словом, то время было так похоже на наше,
что наиболее крикливые
его представители требовали,
чтобы к нему применялась и в дурном и хорошем
лишь превосходная степень сравнения.

Ч. Диккенс
«Повесть о двух городах»

«Опять не туда смотришь. Пляши от себя.
Ты решаешь. Ты делаешь. И отвечаешь тоже ты.
Поэтому: стесняешься — не делай.
Делаешь — не стесняйся.
Сделал — ты прав.
Мнение окружающих — повод рассмотреть
будущие действия. Не прошедшие.
Другим будет больно. Без вариантов».

Н.И. Дубас

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛОРА

06.03

Ночь почти оставила Город, нехотя, как собака обглоданную кость. Лора допивала кофе, стоя у распахнутого окна, через которое в комнату на последнем этаже дома по влажным крышам вползало блеклое и зябкое сентябрьское утро. Впрочем, утро — всего лишь условность для Города, который никогда не спит. Лора знала это лучше многих, потому что одинаково хорошо изучила его, в любой час его бодрствования, в любой из двадцати четырех часов каждые сутки. Бессонница была общей для них, для Города и Лоры Астаниной, давно перестав казаться тягостным недугом и превратившись в привычку.

Женщина бездумно и равнодушно глядела вверх кровель домов туда, где застройка рассекалась надвое Садовым кольцом. Слева небо стремительно светлело, истончалось, обещая скорый рассвет, и тьма пятилась на запад, отступая неохотно и мягко. Воздух провис от усталого оцепенения, заторможенности, всегда присущей раннему часу, несмотря на обычные человеческие заверения в том, что утро — пора бодрости и отдохнувшего разума. Нет, предрассветные минуты безнадежно утомлены, донельзя вымотаны долгим ночным бдением, и даже пение птиц, которые вот-вот проснутся, не сразу изгонит эту обморочную негу.

ЕЛЕНА БЕРНЕР

Лора на секунду прикрыла глаза, ощущая, как неприятно стянуло кожу после умывания. Кремом она, конечно, не пользовалась, не говоря уж о косметике, да и в зеркало почти не глядела — только если речь не шла о зеркалах заднего вида... Так что она просто поставила кружку с кофейной гущей на разошедшийся, давно не крашенный подоконник и потерла ладонями лоб и щеки. Сухой шелест пергамента. С закрытыми глазами все слышно как будто отчетливее. Из окна пахнет осенью, остро, оставляя холодинку у самого нёба. От пепельницы на подоконнике тянет остывшими окурками, запах отвратительный и привычный. Надо бы бросить курить, но ради кого? Точно не ради самой себя. Во дворе, далеко внизу, дворник метет палую листву. Шурх... шурх... Отчего-то вдруг подумалось, что за многие годы истории в Городе изменилось почти все, но не дворники, у них все те же немаркие одутловатые одежды и метлы из красно-коричневых прутков, примотанных к черенку.

Вдалеке тревожно завывла сирена. Лора отличала сирены разных служб, она с детства знала, что пожарные звучат не так, как милиция. Сейчас — «Скорая», несущаяся, безо всяких сомнений, к Склифу, что совсем неподалеку, даже угол здания видно. Если вслушиваться в доносящиеся из-за окна звуки достаточно долго, то окажется, что вопль сирены здесь — обычное дело, штрих к портрету района, словно крики чаек где-нибудь в приморском городке... А теперь рев двигателя мотоцикла, промчавшегося по проспекту в сторону Сухаревской площади. Этот звук сразу пробудил ворох ненужных мыслей и воспоминаний (лихой вираж, голубые глаза, разбитое колено в рванье брюк), они всколыхнулись, заворочались — и были безжалостно изгнаны.

Черный клевер

Лора сполоснула кружку и оставила вверх дном на испещренной известковыми отметинами сушилке. В сливе раковины забулькало. Словно в ответ, где-то по соседству спустили воду в туалете, и она с шумом хлынула вниз по трубам. Сквозь гулкую ветхость перекрытий стало слышно старческое покашливание. Старики встают первыми, им не спится, к утру кости начинает ломать и выкручивать артрит, — но вскоре проснется и весь дом. Спящий дом в неспящем Городе.

Пора.

Ничуть не заботясь тем, чтобы ступать потише, Лора прошла в прихожую. Все комнаты бывшей коммуналки были заперты, и в коридоре дремал комковатый пыльный сумрак. Из-за той двери, что справа, доносился тихий храп Теодоры Михайловны, старушки, у которой Лора снимала комнату, дальнюю по коридору. За третьей дверью отсыпалась после дежурства еще одна жиличка, Катюша, молоденькая медсестра из Склифа. За исключением, пожалуй, нескольких бесед, когда Катюша излила душу, ни с той, ни с другой Астанина почти не общалась. Отчасти потому, что графики их жизни не совпадали, а больше из-за того, что человеческой болтовни Лоре хватало и на работе. Дома она хотела быть предоставлена сама себе. Точнее, спать и ни о чем не думать. Хотя от бессонницы получалось лишь ворочаться.

Старый щербатый паркет с повизгиванием и треском отозвался на ее шаги. В большом коридоре было пусто и уже пахло ремонтом. Старые обои в бирюзовый ромбик неровными свитками торчали из большого мусорного пакета, прислоненного к стене у кухни. Ободранная стена странно увеличивала пространство и поднимала вверх и

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

без того высоченный лепной потолок. Под вешалкой громоздилась башня из составленных одна на другую банок со шпатлевкой и краской. Лора отметила про себя, что даже не увидела их накануне, когда ввалилась домой за полночь, уставшая и голодная. Видимо, Катя всерьез решила взяться за благоустройство их жилища. На днях она заикнулась о том, чтобы купить в складчину кое-какие стройматериалы, но Лора тогда лишь с сомнением оглядела с высоты своего роста хрупкую фигурку соседки и хмыкнула. Катюша настаивать не стала, пожала плечами и ускользнула с общей кухни, но идею свою не оставила и вот теперь потратилась сама, да еще и, наверное, собственноручно приволокла тяжеленные банки в квартиру — вряд ли кого-то нанимала и просила. Упорства этой крохотной девчонке не занимать... Что ж, придется пойти навстречу и выделить-таки на ремонт несколько дней — ночами жертвовать не стоит, ночью зарабатывается больше, раздумывала Лора, отсчитывая несколько купюр и кладя их на старую (впору назвать уже старинной) деревянную консоль с резными ножками в виде орлиных когтистых лап. Катюша наверняка увидит их, когда будет брать свои ключи. Вот они, поблескивают брелком в виде чаши, обвитой змеей. Ну конечно, какой еще может быть брелок у медсестры — смех, да и только...

Лора зашнуровала кеды, с сожалением глядя на ботинки с тяжелой подошвой, которые так любила. Нет, в ботинках она не выдержит, ноги вспотеют и устанут, как это уже было вчера. Зачем мучить себя преднамеренно? Вести машину все-таки лучше в кедах. Она одернула широкие штанины джинсов, надела вытертую на локтях и сгибах кожанку и проверила сумку. Мобильный, кошелек, перцовый баллончик. Необходимый минимум.

Черный клевер

На лестничной площадке было тихо. Вот уже шесть лет Лора тщательно прислушивалась к малейшему шороху за спиной. Последние два — пока запирала дверь квартиры. Она догадывалась, что произошедшее с ней вряд ли когда-то повторится хотя бы отчасти, но ничего не могла с собой поделать. В конце концов, это только говорят, что молния никогда не ударяет дважды в одно дерево. На деле же история знает американского лесничего Салливана, которого молния была семь раз, или майора Саммерфорда, в которого молния попала трижды, а в четвертый раз разрушила его надгробный камень. А ведь человек куда злокозненней природного явления... Так что Лора предпочитала держать ухо остро и не испытывать теорию вероятности на себе. К тому же она так и не заставила себя ни разу за прошедшие годы воспользоваться лифтом, хоть и жила теперь на последнем этаже. Кате, которая как-то раз спросила, почему та не едет вместе с ней, Астанина пояснила, что пользуется возможностью размять ноги после сидячей работы. Прозвучало правдоподобно. Сейчас лифт стоял где-то ниже, и его сетка, опоясанная лестничными маршами, выглядела клеткой дремлющего василиска.

Стоит на мгновение прикрыть глаза, и кошмар повторяется. Заикающиеся автоматические двери, закрыться которым мешают плечи, крик, ватный поцелуй тишины, сердечная дробь, которая нарастает и вот-вот оборвется. Теплое и липкое, мокрая ржавчина на руках. Тошнота. Ужас, от которого ошетиливается тело. Оглушительное облегчение. Оно было перед тем, как осознала... Случившееся. Никогда больше Лора не чувствовала облегчения, а в тот, последний, раз оно было — преступно. Убийца.

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

Она убила человека, и не было еще ни дня, когда бы она об этом не вспомнила.

Лора вышла во двор, и в лицо дохнуло осенней прелью. Ночью прошел дождь, асфальт уже высыхал, весь в темных язвах луж и раскисшей листвы. Лора села в машину, завела двигатель и чутко прислушалась, пытаясь разобрать в его гудении что-нибудь несвойственное, неполадку, малейшее несовершенство. Может быть, младенческое лепетание масляного фильтра или шелест с присвистом от растянувшегося ремня генератора... Старое «Рено» и Лора, они были союзниками, соратниками, коллегами, и женщине жизненно важно было знать, если с автомобилем что-то не так. Но все звучало, как всегда, идеально. Лора вполне могла есть с грязной тарелки и не убирать в комнате месяцами, но ее машина всегда была вычищена, вымыта от лобового стекла до пепельницы в задней двери. Иногда по воскресеньям она натирала внешнюю поверхность автомобильных шин черным кремом для обуви, а раз в четыре недели непременно обрабатывала весь кузов японским полиролем, любовно оглаживая фланелью блестящие скаты. Один человек, помнится, назвал ее маньячкой. Сам такой.

Только теперь, положив руки на руль, Лора заметила, как дрожат пальцы. Можно было свалить все на кофеин, но кофе она выпила всего чашку и даже толком не избавилась от дремоты. Тут другое. И даже на недосып не списать. Вязкое чувство с неприятным металлическим привкусом. Лоре захотелось ошибиться в своих предчувствиях. Потому что уже давно в ее жизни ничто не менялось к лучшему. Только наоборот. Вспомнилась вдруг бабушка, которая наказывала ей никогда не произносить вслух фразу «Что день грядущий мне готовит?»...

Черный клевер

— Я однажды утром сказала так, еще в студенчестве, — делилась бабушка, не помня уже, что рассказывает эту историю не в первый и даже не в десятый раз, — а потом пошла на экзамен и завалила его. С тех пор это для меня плохая примета. И для тебя, стало быть, тоже, ведь ты моя внучка.

Меньше всего женщине, сидящей за рулем недорогой иномарки, подходило это домашнее, трогательное слово «внучка» — да и бабушка давно ушла в лучший мир. В зеркале заднего вида Лора мельком встретила взглядом со своим отражением, хмурым, светлоглазым, со взъерошенными на затылке стриженными волосами, забывшими расческу, и заломом у рта, который с каждым днем пролетал все глубже, все заметнее. Это оттого, что она часто неосознанно покусывает щеку, нервы ни к черту. Сегодня ей исполнилось тридцать три.

Машина вынырнула из отверстой пасти двора, ощерившейся полуголыми пламенеющими кленами, и скользнула на проспект Мира. Среди дробной разрозненности мыслей Лора нащупала ту, что возвращалась с навязчивым постоянством: дорожный мир похож на подводный. Навстречу пронеслась «Мицубиси», голубовато-бирюзовая, призрачная в утреннем слабом свете, с хищной акульей мордой и раскосыми светящимися глазами. С неповоротливостью сома вдоль обочины плыла поливальная машина, распустив мокрые сомовьи усы, словно щупая ими перед собой и в стороны. За ней телепалась крохотная старенькая «Ока» — ни дать ни взять килька.

Лора связалась с диспетчером.

— Семьдесят девятая на связи.

— Доброе утро, семьдесят девятая, — радостно отозвались в динамике. Лора узнала эту девушку, самая привет-

ЕЛЕНА БЕРНЕР

ливая из всех. На сердце, как на дождливом горизонте, немного прояснило.

— Первый Саратовский проезд, дом семь. Ближайшее метро «Текстильщики». Расчетное время прибытия?

Лора прикинула. Дороги еще совсем пустые.

— Пятнадцать-двадцать минут.

— Хорошо, семьдесят девятая. Дерзайте. Счастливого пути! — пожелала диспетчер и отключилась.

В голове Лоры уже выстраивался маршрут. Она принципиально не пользовалась навигатором, но справлялась неплохо. Только начиная работать таксисткой, она сразу дала себе обещание выучить Город и — освободиться, выйти на волю по-настоящему. Затеряться в потоке машин. Быть скользящей, невесомой, непривязанной. Только то, что находится в голове, знала она, и принадлежит человеку по-настоящему. Только то, что знает его тело. Это нехитрое, но очень важное знание о мире она получила, когда потеряла все остальное. Такой опыт полностью все меняет. Пока сложение и вычитание не выучены, ими невозможно пользоваться, это просто абстракция, и калькуляторы тут не помогут.

Теперь, два года спустя, Город был врезан в извилины ее мозга так же крепко, как в землю, на которой стоял, в семь холмов, излучину реки и канал. Он по-прежнему не принадлежал ей, но его изображение, оттиск — да. Теперь она сама стала себе навигатором.

Город, словно дитя Франкенштейна, создан из разных кусков, сшитых грубо и наскоро, огромными серыми стежками эстакад и тоннелей. Мрачное индустриальное великолепие юго-востока: сущий Детройт. Обвившаяся пуповина развязок МКАДа и Третьего транспортного,

Черный клевер

огромные трубы ТЭЦ, из которых ночами поднимается изумрудно-зеленый светящийся inferнальный дым, труба Капотни, толчками выбрасывающая в темное небо пламя нефтяного факела и затягивающая черноту оранжевым заревом. Южный порт, подтыкающий низкие тучи металлическими костями подъемных кранов, с вереницей груженных контейнеров и десятилетним слоем пыли, и летом, и зимой сквозь снег покрывающим ларек с шаурмой и стопку камазовых покрышек у вывески шиномонтажа. Непокойные вороватые окраины и заводские слободки, куда такси вызывают редко и только по ночам: такси стоит недешево, но метро закрывается в час, а ходить там с наступлением темноты — еще дороже. Там люди боятся садиться в незнакомые машины, но все-таки садятся на свой страх и риск, а Лора в свою очередь рискует, соглашаясь их везти. Такой вот общественный договор. Хотя, конечно, если учитывать ее прошлое, она изначально меньше их достойна доверия. В сущности, как много убийц может встретиться лицом к лицу в Городе? Лора горько усмехнулась — больше, чем кажется. Это ведь не рубец, не клеймо на лбу, первому встречному не видно...

Тихий интеллигентный север, с дворами, утопающими в зелени, вертлявой Яузой, Лихоборкой и спальными районами, замотанными в дребезжащие трамвайные пути. Огромный размах проспектов советских времен, с широким полотном дороги, колоннами и гербами, выбитыми на фасадах, стадионы и парки. На севере особенно чувствуется ничтожность человека перед лицом Империи. Свысока смотрят Рабочий и Колхозница, ввысь взлетает монумент покорителям Космоса, вертится колесо сансары-Обозрения, даже каменные кони ипподрома несутся высоко по-